

от государства опиралась на практику, не укоренённую в российском обществе» [3, с. 41].

Многие положения первого закона РСФСР о местном самоуправлении сохранили своё значение и после принятия Конституции РФ 1993 года и нового Федерального Закона 1995 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», который устанавливал, что до принятия субъектами РФ законов о разграничении предметов ведения муниципальных образований действуют нормы Закона РСФСР о местном самоуправлении, определяющего полномочия местных Советов и местных администраций разного уровня в части, не противоречащей Конституции РФ. Во многих субъектах РФ указанные законы так и не были приняты. В этой части нормы первого Закона РСФСР о местном самоуправлении продолжали действовать вплоть до принятия нового Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» в 2003 году.

Первый Закон РСФСР о местном самоуправлении оказал огромное влияние на муниципальную реформу, он заложил основания для местного самоуправления как политического института. В ходе разработки и принятия данного Закона сформировалась группа профессионалов, которая впоследствии стала заниматься муниципальной реформой на профессиональной основе. В данном Законе

впервые были применены некоторые положения Европейской Хартии о местном самоуправлении. Основные принципы, заложенные в основу данного Закона, впоследствии стали конституционными и до настоящего времени определяют основные направления муниципальной реформы в России. Первый закон РСФСР о местном самоуправлении впервые создал условия для реализации самой эффективной формы непосредственного участия населения в решении вопросов местного значения через институт территориального общественного самоуправления, другого аналога этому в мире нет. Первый закон РСФСР о местном самоуправлении заложил принципы разделения властей, использовал опыт земства, но самое главное он запустил механизм муниципальной реформы в России, и это было одним из главных политических достижений новых властей России.

Литература

1. Гильченко Л.В. Местное самоуправление: долгое возвращение. М., 1998.
2. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945 – 1991 гг.): М., 2003.
3. Гельман В.В., Рыженков С.И., Белокурова Е.В., Борисова Н.В. Реформа местной власти в городах России, 1991–2006 гг. СПб., 2008.

УДК 323

Ляхов В.П.

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

В ходе социально-политических преобразований на постсоветском пространстве Российского государства был проигнорирован важнейший принцип институциональной преемственности и специфики социума, его ментальных установок, отражающихся в политическом сознании и культуре, что не позволило реализовать модернизационный проект.

During the social and political reforms on the post-Soviet Russian state space the major principle of institutional continuity and specificity of society his mental facilities, reflected in political consciousness and culture was ignored. This is not allowed to implement modernization project.

Ключевые слова: институциональная трансформация, государство, политическая модернизация, социокультурная матрица.

Keywords: institutional transformation, the state, political modernization, socio-cultural matrix.

Понятие модернизации, все чаще относят к элементам политической риторики на фоне достаточно скромных результатов от реализации Российского модернизационного проекта [1, с. 59]. Поэтому необходимо, на наш взгляд, осмыслить, понять и классифицировать процессы торможения такого масштабного явления, как модернизация в российской современной реальности.

Мы ставим задачу выявить и описать факторы, тормозящие осуществление модернизационного прорыва. Это тем более важно, что страна испытывает острую потребность в модернизации своего социально-политического пространства; что количество социальных проблем, угрожающих национальной безопасности страны, нарастает достаточно масштабно и динамично. На это указывают такие явления, как ухудшение социального самочувствия населения, рост преступности, процессы депопуляции народа, снижение интеллектуального и социального потенциала государства, нарастающие факты безграмотности, деградации, снижения уровня толерантности и т.д. Исследователи утверждают, что при сохранении вышеназванных негативных тенденций в функционировании российского общества прогноз о духовной и национальной гибели Российского государства вполне возможен, с другой стороны, вполне в этих условиях очевидна нереальность достижения целей занять достойное место в формирующемся миросистемном порядке и обеспечить России высокий геополитический и международный статус [2, с. 140 – 141]. При этом в числе ключевых проблем называют кадровую проблему, в частности, проблему отсутствия механизма рекрутирования политических элит и обновляемости элит, что приводит к «кадровому застою» [1, с. 59]. Безусловно, без обновления элит и продвижения молодых и перспективных, активных и инновационных молодых кадров об успешной политической модернизации не может идти и речи.

Следовательно, надо переломить положение, когда в рамках политической модернизации молодежь недостаточно активно вовлекается в управленческие, политические, иные процессы, не имея возможности самопродвижения и самореализации.

Принято считать, что стабильность функционирования любого общества и его социальное благополучие во многом определяются эффективностью функционирования системы социальной мобильности — институты семьи, армии, церкви, школы,

политические, экономические и профессиональные организации [3, с. 149].

В настоящее время эффективность системы социальной мобильности должна неукоснительно подкрепляться условиями равенства возможностей для самореализации граждан в жизненно важных сферах жизнедеятельности общества. Между тем исследование ИС РАН на тему: «Молодежь России: социологический портрет» обнаруживает крайне низкий уровень гарантированности равенства шансов для самореализации молодежи по таким ключевым направлениям, социального бытия, как трудоустройство по специальности, к приобщению к ценностям культуры, условия для реализации своих талантов, политических устремлений; только доступ к получению общего среднего и среднего профессионального образования, по оценкам молодежи, имеет высокую степень гарантированности в современных российских условиях [4, с. 176].

Несовпадение должного и реального указывает на декларативность провозглашенного российским правительством курса на демократическую модернизацию российского общества.

Хотя именно демократический тип политической организации общества, обеспеченный правовой системой, гарантирует право каждого на реализацию своей субъектности в выбранном направлении и достижение социального успеха, однако в российской современной реальности этот принцип трансформировался просто в симулякр. В современной России реализуются, как ни грустно это признавать, симулятивные демократические политические практики.

Взять, к примеру, инновационный сектор. Соглашаясь с тем, что веской причиной торможения модернизационного процесса в России оказалась неразвитость инновационной среды и инновационных технологий [1, с. 60], мы тем не менее заметили, что торможение обусловливается и недостаточным финансированием инновационных проектов. Однако совершенно очевидно, что без активизации вложений в инновационную сферу решить проблему столь масштабного характера невозможно. Невольно напрашивается мысль о декларативности заявленного курса на инновационный прорыв России.

Источник торможения модернизационного процесса ученые, как правило, видят в отсутствии четко сформулированных задач, целей, концепции модернизации с определением последовательности

реформируемых сфер, конкретных сроков и разграничения полномочий [5, с. 61]. С политической трибуны провозглашаются лозунги о демократической России и демократических преобразованиях, что и порождает отношение к модернизации как некоему идеологическому послы, которым успешно пользуются некоторые отечественные политики для реализации своих узкополитических целей.

На уровне общества именно такое отношение к провозглашенным ориентирам политического развития и наблюдаемое несоответствие политической практики обозначенным политическим целям и установкам формирует пространство недоверия к политическим институтам и структурам, и тогда кризис доверия власти начинает реализовываться как ключевой источник демодернизационных процессов в России. Понятно, что кризис социального недоверия, отмечаемый на всех уровнях российской общественной жизни, снижает модернизационный потенциал гражданского общества.

Очевидно, что эффективность масштабных преобразований в стране определяется тем, насколько высоким уровнем доверия наделяются со стороны гражданского общества политические действующие лица, ответственные за реализацию принятых на политическом уровне решений и задач модернизационного характера.

В чем исследователи находят причину провала модернизационного проекта и просчеты политических акторов, ответственных за разработку и реализацию модернизационных преобразований? Во-первых, модернизационный проект формировался вне исторического и социокультурного контекста российского общества, и именно это обстоятельство привело к слепому переносу заимствований западного типа на российскую почву в таких жизненно важных сферах жизнедеятельности общества как экономика, образование, политика, культура.

Модернизационные преобразования начали осуществляться прежде, чем была разработана сама концептуальная основа модернизации России. На уровне общества и власти до сих пор нет четкого понимания того, что же собой должна представлять модернизация, поскольку, если бы эта концептуальная основа присутствовала, для всех, в том числе политических акторов, было бы очевидно, что подобные масштабные преобразования в стране должны проводиться главным образом на основе собственной, уникальной социокультурной базы, в

соответствии с которой и разрабатываются те или иные преобразования.

Теория модернизации, замечает, С.Ф. Черняховский, срисовывает с успешных обществ те или иные внешние черты и предлагает посвятить энергию страны тому, чтобы их воспроизводить, умалчивая о необходимости сначала создать те содержательные начала успеха, которые в конечном счете оформляются в свои внешние проявления [6, с. 10]. Он далее приводит пример с развитием рыночных и демократических отношений, что показательно для современной России, перешедшей к ним одним «росчерком пера», что, естественно, не является той содержательной основой, на которой должна была оформиться эффективная система рыночных и демократических отношений в российском постсоветском обществе.

Оценка, которую дает этот исследователь уровню реализации модернизационного проекта на данный момент времени, крайне отрицательная: им указывается, что ни по одному из направлений (энергетика, ядерные технологии, информационные технологии, космос, медицинская промышленность) существенного прорыва достигнуто не было, и не было даже реальной попытки такой прорыв организовать. С.Ф. Черняховский выдвигает две причины такого итога: [6, с. 10 – 11].

– Определенное доминирование в общественном сознании некоего «детехнократизационного» начала с установкой на обсуждение такой политической и управленческой организации, при которой крупные достижения можно было бы осуществить без приложения особых волевых напряжений и стрессов, в некоем автономном процессе. Речь идет, таким образом, о создании системы, при которой техника и экономика могли бы развиваться сами по себе, без участия представителей политической элиты.

– Решение конкретных производственных и технологических задач требует сосредоточения конкретных ресурсов и их перераспределения, а отсюда и возникают группировки, сопротивляющиеся этому. Модернизационный процесс всегда сталкивается с социальным сопротивлением, поскольку всегда имеются социальные группы, не заинтересованные в изменении сложившегося порядка вещей.

В российском гражданском обществе отсутствует четкое и единое понимание того, по какому пути должна идти в своем развитии Россия, отсут-

ствует ясное понимание модели её модернизации. Россияне придерживаются диаметрально противоположных мнений по вопросу – на какой путь в своем развитии ориентироваться России: 49% опрошенных россиян – по данным Л. Гудкова, полагают, что России нужно бороться с чуждыми русскому народу западными влияниями, возродить самобытный уклад жизни русского народа; тех, кто считает иначе, отстаивая точку зрения о необходимости России активно включиться в мировую культуру и ориентироваться на западные образцы и стандарты жизни, насчитывается 35% [7, с. 102].

Заметим и мы, что ввиду бурного развития в современном мире информационных технологий и информационно-коммуникативного пространства говорить о возврате к самобытному образу жизни русского народа, наверное, не имеет смысла.

Уже невозможно не учитывать роста доминирующей тенденции развития мировой цивилизации в новом тысячелетии, связанной с переходом к новому типу социальной организации общества с информационной и сетевой природой – к обществу информационного типа [8, с. 94]. В данной ситуации особенно важно иметь общественный консенсус относительно значимых социальных целей общественного развития, в частности, в отношении модернизации страны.

Существует ли в российском обществе консенсус относительно целей и задач модернизации?

Таким вопросом задалась С.В. Мареева и на основе результатов исследований ИС РАН пришла к выводу, что имеется серьезная социальная база для реализации модернизационного проекта в стране, поскольку сам процесс модернизации, как необходимый для современной России, поддерживается значительным большинством опрошенных россиян (3/4 россиян положительно воспринимают модернизацию как таковую), однако понимание модернизации среди россиян значительно дифференцируется по своей смысловой нагрузке и целевому предназначению: 41 % россиян с модернизацией связывают равенство всех перед законом, соблюдение прав человека, а 38 % россиян считают, что в основе модернизации должна лежать идея жесткой борьбы с коррупцией [9, с. 85].

Значительное распространение среди россиян получила также идея социальной справедливости как базовая для модернизации страны. Ее придерживается 31% россиян [9, с. 86] и большое число

среди них полагает, что ведущую роль в жизни страны должно играть государство, т.е. это россияне с четкой патерналистской ориентацией.

Согласно результатам одного из последних исследований Института социологии РАН «О чем мечтают россияне» в первую тройку мечтаний россиян входит их стремление жить в справедливом и разумно устроенном обществе (33 %) [10, с. 12], под которым понимается общество, где добродетель и труд вознаграждаются, а доходы людей обусловлены их трудом и квалификацией, где все имеют одинаковые шансы реализовать свои способности в условиях, когда перед законом все равны.

Анализ приоритетов в мечтаниях россиян позволяет сделать вывод, что принцип социальной справедливости занимает значимое место в модели национальной культуры России, а ключевыми элементами справедливого общества выступают такие, как: равенство возможностей для всех, активная роль государства в системе социальной защиты, дифференциация в доходах, отражающая образование, квалификацию и эффективность работы каждого человека, находящаяся в разумных пределах [11, с. 17].

Видимо, несправедливость установившего социального порядка сформировала запрос общества на сильную государственную власть, с которой у россиян ассоциируется наведение в стране порядка, даже если для его достижения придется пойти на некоторые нарушения демократических принципов и ограничения личных свобод – так полагают, согласно опросам ВЦИОМ, 72 % россиян против 16 % тех, кто считает иначе и не готов пожертвовать идеями демократии ради наведения в стране порядка [12].

Приведенные данные говорят о назревшей среди россиян острой потребности в формировании общества справедливого типа, а также о том, что модернизация общества видится именно в этом направлении, а потому и роль государства в глазах россиян возрастает до чрезвычайно значимых пределов. В этом и заключается проблема, поскольку заявленная модернизация не ориентируется на социокультурную специфику российского общества и его ценностные приоритеты, а слепо копирует западные образцы, сформированные в рамках специфики развития западного общества.

Обращает на себя внимание высокий оптимизм среди россиян: около 60% россиян верят в успех

модернизации в России хотя бы в среднесрочной перспективе (15 лет), в то время как 18 % россиян вообще не верят в реализацию модернизационных преобразований в стране, но при этом наибольший потенциал проявляют сторонники невмешательства государства в экономическую и социальную сферы жизни [9, с. 87].

Однако большинство россиян, как показали результаты социологического опроса [10], все же являются сторонниками патернализма, и это соответствует социокультурным и политическим традициям российского прошлого.

Литература

1. Самсонов К.М. Проблемы модернизационного процесса в современной России // Власть. 2011. № 11.
2. Самыгин С.И., Верещагина А.В. Основные критерии национальной безопасности России // Условия и перспективы национальной безопасности современной России: Сборник материалов Всероссийского научно-теоретического круглого стола, 29 апр. 2011 г. (Краснодар). М., 2011.
3. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Под общ. ред. В.В. Сапова. М., LVS, 2005.
4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд. доп. и исправл. М., 2010.
5. Самсонов К.М. Проблемы модернизационного процесса в современной России // Власть. 2011. № 11.
6. Черняховский С.Ф. Модернизация: противоречивость идеологического концепта в современной России // Власть. 2012. № 5.
7. Черняховский С.Ф. Модернизация: противоречивость идеологического концепта в современной России // Власть. 2012. № 5.
8. Гудков Л. Время и история в сознании россиян (часть 2) // Вестник общественного сознания. 2009. № 3 (101).
9. Аникин Л.С., Тарский Ю.И. Политика модернизации и информационное общество: социокультурный аспект // Власть. 2012. № 6.
10. Мареева С.В. Цели и задачи модернизации страны в восприятии населения: консенсус или конфликт? // Власть. 2011. № 10.
11. О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2012.
12. Горшков М.К. «Русская мечта» в зеркале социологии // Гуманитарий Юга России. 2012. № 2.
13. Что важнее – демократия или порядок? // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1469 от 12.04.2010 г. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМа проведен 9-11 янв. 2010 г. Источник: еженедельный опрос «Омнибус ВЦИОМ»; <http://wciom.ru/index.php?id=458&uid=13394>.

УДК 323

Гузко Д.С.

ОРГАНИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В представленной статье автором рассматриваются проблемы формирования в России системы эффективного финансового контроля как одно из условий обеспечения ее финансовой безопасности, а также определяются основные проблемы и перспективы развития организации и управления системой финансового контроля на современном этапе.

In this article the author considers the problem of the formation in Russia of an effective financial control as a condition of its financial security, and identify key problems and prospects of development of the organization and management of the system of financial control at the present stage.

Ключевые слова: финансовая безопасность, финансовый контроль, финансовая политика, внешние и внутренние угрозы финансовой безопасности государства.